

Об авторе

Уильям Лейт сотрудничает с такими изданиями, как *Independent on Sunday*, *Mail on Sunday* и *Observer*. Его статьи и очерки охватывают широкий круг тем — от питания до косметической хирургии, моды и кинематографа. Он писал об африканских диктаторах, политической напряженности в Палестине, ночной жизни Бангкока, продюсерах Голливуда, гуру новомодных диет и смерти Джеймса Дина. Уильям Лейт является автором двух книг — «Голодные годы» (*The Hungry Years*) и «Саморазрушение» (*Bits of Me Are Falling Apart*).

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	49
Глава 3	83
Глава 4	133
Глава 5	175
Эпилог	227
Выражение благодарности	237
Об авторе	239

1

Такое впечатление, что я активно желаю быть бедным.

Что я *предпочитаю* быть бедным.

Что всячески стараюсь привлечь в свою жизнь бедность: эй, бедность, приходи ко мне, я тебя люблю.

С такими мыслями я просыпаюсь в тот день, когда мне предстоит раскрыть секрет обладания миллионами.

В пятидесяти милях от моего дома, в *Chelsea Harbour*, в гостинице, которую я никогда не видел, но представлял себе в виде белого здания с большими стеклянными панелями, меня ждет Джордан Белфорт.

Да-да, тот самый Волк с Уолл-стрит. По крайней мере, так он называет себя в своей книге с одноименным названием.

Насчет названия я не уверен.

Если бы я написал книгу о том, как заработал миллионы, но по-прежнему чувствовал себя бедным, если бы я написал книгу о внутренних противоречиях, финансовых махинациях и жизненных перипетиях, то назвал бы ее как угодно, но только не «Волк с Уолл-стрит».

Хотя не это важно.

Важно то, почему одни люди умеют зарабатывать деньги, а другие нет, и эта тема меня не просто интригует, а сводит с ума.

Я никогда и никому не говорил, что у меня ментальное расстройство по части финансов. Мною движет механизм, всячески мешающий мне разбогатеть; хуже того, он маскируется под механизм, нацеленный на противоположный результат.

Это вражеский агент, скрытый в глубинах моего подсознания, и я не знаю, как он работает.

Я понимаю, что мне нужно раскрыть этот пресловутый ментальный механизм и заменить его новым, пока я не закончил свою жизнь нищим бродягой. Но я страшно боюсь это делать, так как подозреваю, что этот механизм и есть мое настоящее Я.

В любом случае деньги — неоднозначная вещь. Теоретически мы должны это инстинктивно понимать. Но фактически мы этого не делаем. К примеру, большинство думает, что деньги — это объективная реальность. На самом деле они реальны, потому что мы *считаем* их реальностью. Деньги появились в темные века человеческого взаимодействия. В этом смысле они даже круче Бога, потому что Бога нельзя воплотить в реальность верой в его существование. Он либо существует, либо нет. С деньгами все иначе.

Их создали *мы*. Это наше творение, и оно нас убивает.

Тогда как может парень, которого, по сути, уничтожают его же деньги (об этом говорит даже подзаголовок в его книге «Как деньги привели к закату суперзвезды Уолл-стрит»), называть себя Волком. И уж тем более Уолл-стрит — финансового центра мира? Ведь он же не Волк финансового центра мира, верно? Если бы вы вышли на ринг с Майком Тайсоном и он бы вас нокаутировал, разве вы называли бы себя Волком Майка Тайсона?

Все эти мысли — как вы понимаете, явно не позитивные — посещают меня в тот день, когда мне предстоит раскрыть секрет обладания миллионами.

Я думаю, что Волк — это не Джордан Белфорт. Возможно, это вообще не человек: Волк — это *сами деньги*.

Надо будет спросить об этом Белфорта, а еще лучше — Мартина Скорсезе. Я знаю, что Скорсезе снимает фильм «Волк с Уолл-стрит». Посмотрим, что он сделает с этой историей, как покажет накал порочных страстей, ехидный нервный смех, озвучит ненормативную лексику, льстивые дифирамбы и раскроет власть денег.

Белфорта, с его харизмой павшего ангела, будет играть Леонардо Ди Каприо.

Пока на темном небе моего пробуждающегося ума вспыхивают и гаснут эти кометы, я протягиваю руку к будильнику. Опоздание сегодня равносильно катастрофе.

Этим утром я должен запомнить две вещи — я даже записал их на листке бумаги, который положил на прикроватную тумбочку.

Я беру у Белфорта интервью для журнала. Я зарабатываю тем, что беру интервью в основном у богатых и очень богатых людей (и преимущественно у мужчин по целому ряду причин). Я побуждаю их рассказывать о себе, что не так легко, как может показаться. Моя цель состоит в том, чтобы выудить у них тайны, раскрыть их секреты, пробраться в темные глубины их сердца, а потом нанести вероломный удар — не буквально, конечно, а фигурально. Показать их внутреннюю боль. Слезы этих людей — мои золотые монеты.

Прежде чем встретиться с героями очередного репортажа, я всегда стараюсь понять, что их мотивирует. Пытаюсь представить себя на их месте, делаю и редактирую записи. Я продумываю все до мелочей.

У меня на тумбочке лежит бумажка. В полумраке зашторенного помещения я вглядываюсь в ее содержание:

- 1) как он заработал столько денег;
- 2) почему он свернул на преступный путь.

Скомкав бумажку в шарик и швырнув его в дальний угол спальни, я снова откидываюсь на подушку и дотягиваюсь наконец до будильника.

Сигнал умолкает.

Я должен раскрыть этот механизм, пока не поздно. Правда, может случиться так, что этот механизм и есть я.

А что, если дело во мне?

Лежа в тишине, я размышляю о своем финансовом положении. Мне становится тошно и страшно уже от одних этих размышлений; негативные мысли и чувства поднимаются откуда-то из живота и пронизывают каждую клеточку тела. Мне нужно от них избавиться — как от следов преступления, прежде чем ретироваться, — но чем больше я стараюсь, тем хуже получается.

Но я *не* должен так думать!

Окей. Мое финансовое положение. Выражаясь экономическими терминами, я, как и большинство граждан, в настоящее время испытываю дефицит бюджета. Другими словами, трачу на жизнь больше, чем зарабатываю. Дефицит — это не то же, что долги. Дефицит — это текущее превышение расходов над доходами, за которое вы будете наказаны в будущем. Долги — это следствие прошлых финансовых перекосов. Это наказание, которое вы уже несете.

Я отдаю себе отчет, что заслуживаю этого наказания — этой *кары*. Я несу ее, потому что на каком-то уровне, возможно, хотел этого.

Я ненавижу все это. Я не хочу об этом даже думать. Но я *вынужден*, я *должен*.

Меня карают обеспеченные и необеспеченные кредиты, неоплаченные счета и налоги, пени, штрафы, судебные иски и дела, которые я уже проиграл, или не оспаривал, или забыл. Эти дела возвращаются в виде посланий разного рода, написанных тем или иным тоном, а потом и в виде реальных людей — в основном мужчин, не слишком хорошо одетых и не разбирающихся в обуви. Когда эти мужчины (периодически и женщины) наносят мне визиты, я веду себя исключительно вежливо. Я предлагаю им чай, кофе и закуски. Думаю, это имеет значение.

Мною движет желание жить на широкую ногу, поэтому я одалживаю деньги — у банков, корпораций и частных лиц — и не возвращаю их в срок, потому что, честно говоря, никогда не горел

таким желанием, просто хотел денег. С деньгами я чувствую себя моложе и здоровее. Они покупают мне время. С какой стати я должен хотеть с ними расстаться?

Я знаю, что обязан вернуть долги. Их следует вернуть. Но почему я должен их возвращать?

Короче говоря, я *намереваюсь*, но не *хочу*, поэтому в мой дом частенько наведываются незваные гости. Мы разговариваем, пьем чай, и на какое-то время они оставляют меня в покое.

— Дайте мне время, — говорю я им.

Я не отношусь к типу людей с коммерческой жилкой. Раньше, в юные годы, я был слишком привилегирован, чтобы думать о деньгах. Сейчас я недостаточно привилегирован, чтобы о них не думать.

Мир треснул по швам, и я провалился в трещину. В этом никто не виноват. Да, верно. Никто. Кроме меня.

Это моя вина.

Моя работа. Я продаю журналам истории. Но, по сути, я продаю не истории читателям, а читателей рекламодателям — вот такой грязный трюк. Еще одно заслуживающее кары деяние. Если точнее, я продаю внимание читателей. Я рассказываю свою историю так, чтобы в нужный момент их взгляд устремлялся на гламурную рекламу.

К примеру, я говорю: «Я знаю, что вам будет интересна личность, с которой я общался, ля-ля, тополя... — А потом добавляю: — Ой, гляньте-ка, какой классный автомобиль. Хромированная сталь. Толстенные шины. А взгляните на эти часы / на этот удивительный пляж с белоснежным песком / на это кристально чистое море».

«Взгляните на фотографии этих женщин». Тщательно отобранные заплаченными фоторедакторами.

Все решает не его или ее — фоторедактора — мнение. Все решают деньги.

«На секунду задержите свой взор на этих изображениях. Какое замечательное тело у этих женщин! Какое оно гладкое и упругое. А как соблазнительны их щечки и бедра! Вглядитесь в конкретные человеческие лица и фигуры — это вызовет в вашем мозгу и организме цепную гормональную реакцию. Запечатлейте в своем сознании эти образы. Вы испытаете целую гамму эмоций: тоску, зависть, досаду, злость, ярость, неуверенность в себе, стыд, ностальгию, амбиции. Внутри вас словно откроются краны, содержимое которых, тонкой струйкой просачиваясь в кровь, неизменно повлияет на ее состав».

Иногда мне хорошо платят. Однако получать хорошие гонорары не значит быть богатым. Это даже не значит быть обеспеченным.

Я не *только* беру интервью у богатых людей. Если составить круговую диаграмму затрат моего времени, то интервьюирование богатых людей заняло бы один небольшой сегмент. Еще один сегмент — это просиживание в кафе, еще один — бесцельное шатание по округе.

Остальная — львиная — доля этой диаграммы не имеет четкого названия. Я сижу или лежу, часто в постели, читаю книги. Развиваю навязчивые идеи: например, о том, как обезьяны превратились в людей. Все знают, что они это сделали. Но *как* именно?

А как они создали мой мир — современный мир? Мир, который со временем, конечно же, рухнет.

Мы, как и наши предки, считаем себя современными. Но это не так. Мы уже древние.

Я мог бы быть философом.

Ой, нет. Не начинай.

Как бы то ни было, двадцать с лишним лет назад я научился скорочтению и теперь просматриваю как минимум одну книгу в день.

Между тем дефицит моего бюджета растет. И мои долги. Мое наказание. О нем я не хочу думать, потому что от этого мне становится тошно.

Мое наказание. Я отодвигаю его на задворки сознания, но оно подкрадывается.

Это странный шум в пустом доме. Это лицо в окне темной ночью.

Звенит будильник. Я что, уснул? Мне нельзя сегодня опаздывать — нельзя. Я приподнимаюсь на локтях. Нужно действовать, и быстро.

Окей.

Как он заработал столько денег?

Почему он свернул на преступный путь?

Этот преступный путь сбивает меня с толку. Джордан Белфорт заработал десятки миллионов долларов, но его не покидало чувство неудовлетворенности. Он считал, что у него *недостаточно денег*, поэтому изобрел идеальную, но преступную схему финансовых махинаций. В итоге загремел за решетку.

Должно быть, в какой-то момент у него в голове что-то щелкнуло, и я уверен, что это произошло из-за денег.

Деньги — *сложная* штука. Они одновременно реальны и нереальны. Когда у вас есть деньги, вы их не видите, потому что они являются частью вашего мышления, частью вас. Деньги есть, и их нет.

Это — магия. Это — колдовство.

Пожалуй, я знаю, когда появились деньги: в тот самый момент, около двух миллионов лет назад, когда обезьяна, смотря на пожар, изменила привычное мышление.

Обезьяна видит огонь. Правая половина ее мозга обрабатывает информацию.

Огонь!

А потом...

А потом, впервые в мировой истории, левая, творческая, половина мозга обезьяны преобразовывает эту информацию.

Почему бы не подуть на огонь? От этого он, естественно, разгорается еще сильнее.

Можно получить что-нибудь *просто так, на халяву*.

Такого не может быть, или все-таки это возможно?..

На телефоне снова срабатывает сигнал. Он установлен через каждые две минуты. На третьем повторе начнет звенеть запасной будильник «Челси». На самом деле мне следовало бы иметь будильник «Арсенала», потому что я болею за эту команду, но по какой-то причине я приобрел часы «Челси» — клуба, принадлежащего российскому миллиардеру (владелец «Арсенала» тоже российский миллиардер, но «победнее»). Так долго томившиеся взаперти русские — более матерые хищники, чем остальная человеческая братия. Они голоднее. У них более острые зубы.

В прежние времена вы надеялись, что деньги помогут вашей команде победить. Теперь же вы надеетесь, что победа поможет вашей команде заработать деньги. Раньше деньги были помощником в игре. Теперь они и *есть* игра. Это сказал Маркс. И явно не о футболе.

Что дальше: кофе? Если будет время. Но у меня нет времени даже на то, чтобы остановить эшелон мыслей об обезьянах, не говоря уже о том, чтобы поставить чайник и, пока он закипает, забросить в кофейник кофе и столовую ложку меда.

В плане времени у меня две крайности: вагон с телегой на себя, любимого, и оторванные от сердца крохи — на все остальное.

Мне надо создать биржу времени: покупать его у бедных, у которых обычно времени полно, и продавать богатым, которым

вечно его не хватает, потому что деньги съедают время. Биржа времени — блестящая идея; может, даже глобального масштаба. А может, и бредовая.

Даже не знаю.

Практически полностью проснувшись, расчесываю пальцами волосы. На постели книги, «затрепанные любовью», как старые плюшевые мишки: «Как стать богатым» Феликса Денниса, «Касаясь пустоты» Джо Симпсона. Истории взлета и падения.

А еще Нассим Талеб, Патрик Вейтч, Ричард Рэнгем, Аарон Браун, Мэтт Ридли.

Мои воображаемые коллеги.

Я свешиваю ноги и задеваю ими бутылку с водой. Ноги на мокром ковре. Неприятно.

Возникают новые мысли: почему я не на тропическом острове, в роскошном особняке, на террасе, с ногами, опущенными в бассейн? К примеру, сижу и читаю бестселлер. Или, раз уж на то пошло, пишу бестселлер. Почему бы не написать бестселлер?

Знакомая мысль. Я ее периодически редактирую.

Бип-бип-бип. Будильник «Челси».

Я встаю. Четыре минуты на душ. Мне нужна новая ванная комната. Я *хочу* новизны и блеска — блеска плитки, стеклянных панелей. Однако мое «хочу» получает пинок под зад.

Или нет?

Я почти уверен, что когда-нибудь будильники богатых людей будут звонить не громко и резко, а тихо и постепенно, запуская механизм движения человека по типу производственной линии: от туалета к ванной, затем к гардеробной и т. п. Если бы люди просыпались от запаха жареного бекона или тостов и, открыв глаза, находили себя за столом с восхитительным завтраком!..

Моя голова проясняется. Я уже вполне хорошо соображаю. Просто не выспался.

Возвращаюсь в спальню. Кровать напоминает разрушенное гнездо, а пол — каток из глянцевого журналов. Мокрый, как гусь, я ищу чистое полотенце. Я знаю, что одно или два полотенца в недавнем прошлом *целыми днями* валялись на полу, собирая грязь, споры, отмершие частицы моего эпидермиса или что там еще. Будь у меня больше времени, я мог бы попытаться вычислить, какие полотенца грязные, а какие чистые, но, поскольку времени у меня мало, придется рискнуть. Проблема в том, что я не люблю рисковать. Возможно, это главная причина, почему у меня нет миллионов.

Полотенца. Пять или шесть штук. Все еще обтекая на тот же ковер, я в растерянности смотрю на них и на какое-то мгновение застываю, не понимая, что делать.

В этот момент раздается стук в дверь.

И крик.

Мужской.

— Такси!

На вокзале я рассчитываюсь картой. Скупая слеза скатывается по орбите моей глазницы. Парень за стеклом что-то невнятно бормочет. Я представляю, как конфиденциальные данные моей карты куда-то передаются, отчего вдруг начинает щемить в груди, и я невольно проклинаю тот факт, что у меня всего одна банковская карта, что у меня нет пачки долларовых купюр, что у меня нет собственного дома, что я ненавижу свою ванную комнату и что не могу себе позволить такие вещи, как, например, обслуживание в лучшей стоматологической клинике.

Я путешествую вторым классом. Тот факт, что существует два класса, имеет какую-то психологическую подоплеку, и я с самого

начала знал, что буду путешествовать в классе, который победнее. Спрашивать более дешевые места — это моя установка по умолчанию.

В принципе сами *места* — сиденья — меня вполне устраивают. Дело не в *местах*.

Дело в контингенте. В людях. Я чувствую их свистящее и хрипящее дыхание, их доведенное до предела терпение, их отвращение к себе, их сжатые кулаки, их скрежещущие зубы — их уровень социального развития, с которым ты ничего не можешь поделать. Вспоминаю одну женщину, которая сошла на отдаленной станции и перепрыгнула через ограду, за которой начинался лес. Думаете, она исчезла в лесу? Нет, через пару минут эта женщина вернулась с двумя здоровенными булыжниками и стала бросать их в окна поезда. При каждом броске она издавала крик теннисистки. В теннисе его называют кряхтением, но он больше похож на истошный вопль. Благо, окна оказались крепкими.

Мысли снова возвращаются к банковской карте.

Почему я флиртую с бедностью. Я не знаю, но я должен знать. Это знание должно быть где-то в глубинах моего подсознания, но я не хочу туда проникать, поэтому гоняю одну и ту же мысль по знакомому замкнутому кругу: почему я флиртую с бедностью, почему я до нее докатился, почему допускаю ее в свой дом и в свою жизнь. Я не знаю, но я должен знать. Я не хочу об этом думать, но я *думаю* — и я *подумаю*, но только не сейчас, не сейчас...

Я опоздал на рейс, позволявший идеальное неторопливое путешествие, но еще успеваю на встречу.

Кассир прodelывает манипуляции с моей картой и вставляет ее в терминал, так что эта машина может заглянуть в самые дебри моей финансовой души: доходы, расходы, внезапные каскады плюсов и минусов, приятные скидки и бонусы, импульсивные покупки; машина знает о том, как на прошлой неделе я больше не мог ждать автобуса и моя рука сама остановила такси, меня унесло от